

свойственных английскому обществу. Одной из важнейших тем этого романа становится вопрос о взаимосвязи духовного мира человека и экономической, материальной реальности, определяющей его повседневную жизнь. «Деньги говорят, и деньги думают», — рассуждает любимая героиня Форстера, Маргарет Шлегель, развивая свою идею о том, что «сама сущность мира — экономическая» и что «глубочайшей бездной для человека является не отсутствие любви, но отсутствие денег». Проблема социального и экономического неравенства решается Форстером с нравственных, этических позиций: в его романе семья Вилкоксов оказывается косвенно виновной в бедственном положении клерка Леонарда Баста, что позволяет автору говорить об ответственности более состоятельных классов за судьбу тех, кто находится «внизу, под водой», за тех, «которые хотят воровать зонтики, а иногда действительно их воруют».

Романное творчество Форстера концентрируется вокруг эдвардианской эпохи, с которой он всегда сохранял глубокую внутреннюю связь: он неоднократно подчеркивал это, говоря о своей принадлежности к «самому краю викторианского либерализма» и приверженности тому, что сам он называл «старой моралью». Форстер страшился «нового мира», пришедшего на смену эдвардианской Англии. Единственное, что можно противопоставить современному «миру насилия и жестокости», считал он, — это «старую мораль», веру в значимость отдельного человека и близких личных взаимоотношений, любви и дружбы. «Человек должен относиться с симпатией к другим людям, он должен доверять им, если не хочет, чтобы его жизнь превратилась в хаос, а значит, он должен стараться никому не причинять боли», — пишет он в своем эссе «Во что я верю». Мысль о значимости близких межличностных отношений, о ценности каждого человека независимо от его социального статуса, национальности или экономического положения неизменно присутствует во всех произведениях Форстера.

Е. Э. Рахова
Екатеринбург

К ОБОСНОВАНИЮ ЛИЧНОСТНОГО БЫТИЯ ЧЕЛОВЕКА

Высокая ценность и самооценность личности требует осмысления ее онтологических оснований. Важно заметить при этом, что не всякая онтологическая система вмещает личностное бытие и не

всякая же позволяет личности человека занять в ней подобающее высокое положение.

Для исследования этого вопроса удобно воспользоваться классической классификацией онтологических позиций В. В. Зеньковского. (1, с. 39-49) Русский философ выделяет 5 таких позиций, рассматривая историю философии как поиск человеком Бога.

1. Натурализм, как попытка понять мир из него самого, без творения его Богом. В рамках натурализма различаются две его разновидности — материализм, исходящий из первичной безжизненной материи, и органический натурализм, рассматривающий субстанцию как живую, движущуюся, исполненную творческих сил.

Как бы ни различались эти два вида натурализма, обе позиции сходятся в оценке бытия как неразумного, безличного, ибо отрицают бытие Творца — личного Бога. В такой безличной онтологической картине необъяснимо появление и невозможно бытие и личности человеческой. Объяснение происхождения личностного бытия из безличного не менее фантастично, чем объяснение живого из неживого. Просто нелогично помыслить, чтобы множество самобытных, неповторимых личностей случайно рождались в бесконечном безжизненном мире, жили, страдали и радовались какое-то короткое время и бесследно исчезали в равнодушном безличном океане, не имея в нем по сути смысла своего существования.

2. Агностицизм, который ставит предел человеческому постижению бытия.

Эта позиция недалеко отходит от натурализма, ибо подвергает сомнению личное бытие Творца. Но тем самым она ограничивает и возможность онтологических оснований личности самого познающего человека. Личность на таком фоне также необъяснима, не укоренена в бытии. В таком случае открывается широкий простор для разных фантазий относительно личностного бытия и его содержания, до крайностей субъективизма.

3. Пантеизм, который обожествляет весь мир, растворяя при этом Бога в природе.

Здесь опять происходит обезличивание Бога, Который лишается Своей надмирности и творческой способности. Что касается человека, то его субстанциональная детерминация вместе с лишением его свободы, лишает его личностного бытия.

Обнаруживается прямая взаимосвязь: отрицание личного Бога необходимо ведет к отрицанию личности человека, ибо делает необъяснимым не только ее происхождение, существование, но и назначение, лишает ее объективного, онтологически заданного смысла существования.

4. Деизм — псевдохристианское учение, признающее Бога Творца, но отрицающее Божественный Промысл в сотворенном мире.

Бог ограничивается в Своей свободе, любви и всемогуществе. Он изображается и как безличная творческая сила, лишь породившая этот, ставший затем самостоятельным и самодостаточным, мир. Конечно, это не может не сказаться и на понимании человека, который хотя и объясняется в своем происхождении как особое высшее существо, сотворенное Богом, но также неизбежно ограничен в своем отношении к Богу и к миру, в своей свободе, творчестве, а значит, и в личностном бытии.

5. Христианский теизм — собственно христианская философская онтологическая позиция, которой придерживались многие русские православные мыслители, в том числе и В. В. Зеньковский. Философ показывает эту онтологическую концепцию как единственно логически непротиворечивую и объясняющую все бытие, в том числе человеческое, и не просто убедительно, но как имеющее высокий смысл и содержание.

Истинное бытие — Божественное — личностно. Бог Пресвятая Троица не безличен. Единый Бог троичен в Лицах. Личный Бог сотворил человека как высшее и любимое творение, «по образу и подобию» Своему. А это и означает в первую очередь, что человек тоже личность, наделенная свободой, разумом, способностью к сотворчеству, соработничеству с Богом в этом мире.

В христианском теизме не только находится онтологическое объяснение происхождению и бытию человеческой личности, но в нем раскрывается и объективно-личностное высокое назначение человека. Человек сотворен по Божественному замыслу, и потому не без смысла его существование. Он призван к личностному развитию в Духе Святом по образу и подобию Личности Творца, к обожению, уподоблению Богу по благодати, к единению с Богом в любви.

В этом отношении интересны философско-богословские идеи нашего отечественного мыслителя В. Н. Лосского, специально исследующего святоотеческую традицию соотношения понятий «личности» и «природы» в существе Божественном и человеческом. (2, с. 710-721) Подобно тому, как Бог Пресвятая Троица един по существу и троичен в Лицах, человечество едино по своей человеческой природе и множественно в лицах. А это имеет глубокое духовно-нравственное значение: в Церкви верующие призваны быть соединенными во Христе узами любви подобно тому, как едины в любви Лица Святой Троицы.

Таким образом, оказывается, что только в христианском учении

личность человеческая, не мыслимая как самодостаточная без Личного Бога, обретает онтологическое объяснение, ценность, смысл, высочайшее назначение своей жизни и возможность бесконечного возрастания во Христе. И, по свидетельству В. В. Зеньковского и других православных мыслителей, в этом убеждает не только логика философского исследования, но более всего личная живая встреча с Самим Богом.

1. Проф. прот. В. В. Зеньковский. Апологетика. Париж, 1957.
2. В. Н. Лосский. Боговидение. М., 2003.

А. В. Романов
Екатеринбург

ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОСТЬ И ТРАНСЦЕНДЕНТНОСТЬ ВЕРЫ

Понятие «вера» неопределенно и метафорично. «Вера» одновременно теистична и секулярна, порождает как добро, так и зло, приводит к гуманизму и фанатизму, выступает идеологическим обоснованием эксплуатации и источником творчества. В английском языке существует три слова для обозначения разных типов веры: *trust*, *belief* и *faith*. Отечественная духовная традиция обходится одним. Парадигмы веры, этапы ее развития коррелируют с этапами самоактуализации личности: авторитарная личность может ориентироваться лишь на авторитарную веру. 1. На первом этапе под верой понимается любое утверждение — мнение, знание, убеждение — бытия Бога. 2. Пол верой полагается эмоциональная, неустойчивая составляющая рациональных убеждений. 3. Вера есть установка, «привычка», внушенная с детства. 4. Авторитарная вера (*trust*) отождествляется с доверием авторитету, предваряющим понимание. 5. Доказательства являются основанием рациональной веры (*belief*), тождественной убеждениям.

В максиме своего развития вера трансцендентальна и трансцендентна. Суждения веры принимаются априорно, архетипично, без опоры на эмпирический опыт и факты. Суждения веры есть универсалии, обусловленные — подобно истинам математики — трансцендентальными структурами сознания. Вера определяет аксиомы, лежащие в основе понимания (Николай Кузанский). Вера не производна от прошлого опыта и не дается в непосредственном опыте настоящего (Гегель, Кьеркегор, К. Барт). Приобщение к вере есть устранение сенсорных, «чувственных» предпосылок опыта